

К французской кухне Шань Я Тун не питал особой любви, однако атмосфера в этом ресторане была на редкость приятной, к тому же среди посетителей по большей части мелькали лица, хорошо знакомые каждому, кто хоть немного причастен к миру шоу-бизнеса.

Он слегка покачал в бокале красное вино, наблюдая, как его густая рубиновая плёнка стекает по стенкам, и поднял взгляд на Ло Янь Цяня:

- Ты часто бываешь в таких местах?

Ло Янь Цянь сделал небольшой глоток, давая вино раскрыться на языке, и ответил:

- Здесь я ещё не был, только слышал о нём от приятелей по цеху. Сегодня впервые. Ну как тебе?

Шань Я Тун поставил бокал на стол и чуть заметно улыбнулся:

- Неплохо.

Подобные заведения, ориентированные на публику из индустрии, были неплохо защищены от назойливых папарацци – по крайней мере здесь можно было не опасаться, что твою частную жизнь выставят на всеобщее обозрение. Он промокнул салфеткой уголки губ и спросил:

- А кому принадлежит это заведение?

Ло Янь Цянь, увидев, что тот закончил трапезу, тоже вытер губы и пожал плечами:

- Говорят, его открыла супруга одного режиссёра. А что, заинтересовался?

Шань Я Тун покачал головой и, повернувшись, заметил, как к ним направляются две женщины-актрисы. В одной из них он с лёгким удивлением узнал Ми Ли – ту самую, с которой у него уже были разногласия.

Ми Ли, в свою очередь, тоже заметила Шань Я Туна, но, увидев, с кем он сидит за одним столом, лишь презрительно фыркнула и уселась за соседний столик, сделав вид, что они друг для друга – пустое место.

Расплатившись по счёту, они вышли через специальный служебный проход прямо на парковку – так было безопаснее, чтобы не попасться на глаза репортёрам. Устроившись в машине, Ло Янь Цянь наконец спросил:

- У тебя с этой Ми Ли какие-то трения?

Шань Я Тун, пристёгивая ремень безопасности, ответил с лёгкой небрежностью:

- Недавно компания предлагала мне подыграть слухам о нашем с ней романе, но я отказался.

- Вот оно что, - протянул Ло Янь Цянь, заводя мотор. - Неудивительно, что она так на тебя смотрит. Ты же прямо прилюдно отказался от такой возможности, а она, между прочим, куда более популярна, чем ты...

Он резко осёкся, осознав, какую бестактность только что сморозил, и неловко прокашлялся. Зачем он вообще это сказал?

Шань Я Тун, заметив его смущение, тихо рассмеялся. В этом юноше, таком растерянном и неуклюжем в этот миг, было что-то почти умильное.

"Смех?!"

Ло Янь Цянь ошарашенно уставился на улыбку Шань Я Туна. Отчего же всякий раз, когда этот человек улыбается, его лицо озаряется каким-то особенным, пронзительным светом?

Внезапно он опомнился и с ужасом понял, что засмотрелся на мужчину.

Отведя взгляд, он почувствовал, как щёки заливают жар, и, пристально уставившись на дорогу впереди, буркнул:

- Над чем ты смеёшься?

Шань Я Тун приподнял бровь с едва заметной насмешкой:

- Ничего такого Просто подумал, что ты очень забавный.

На одно краткое, почти неуловимое мгновение Ло Янь Цяню показалось, что его... дразнят.

* * *

Вернувшись домой, Шань Я Тун принял душ и уже принялся вытирать мокрые волосы, когда раздался звонок с прикроватного телефона. Он швырнул полотенце в сторону, с размаху плюхнулся на кровать, схватил трубку и поднёс к уху.

- Я Тун, - голос Дин Яня на том конце был настолько подавленным, что это угадывалось даже без лишних слов.

- Брат Янь, - Шань Я Тун, будто не замечая мрачных ноток в голосе собеседника, приподнялся и, опершись спиной на спинку кровати, спросил с совершенно невозмутимой интонацией: - Ты ещё не ложился?

Дин Янь на мгновение замялся, в трубке послышался едва уловимый вздох, и наконец он вымолвил:

- Компания решила передать твой контракт "Тяньгуаню". Оставшийся срок твоего соглашения отныне принадлежит этой компании.

Дин Янь ещё долго говорил, пытаясь как-то оправдать это решение, объяснить, смягчить, но через полминуты вдруг заметил, что собеседник не проронил ни звука. Он забеспокоился:

- Я Тун?

- Ммм? - голос в ответе был ровным, лишённым какой-либо явной окраски.

- Это... решение компании, оно... - такая реакция застала Дин Яня врасплох. Согласно условиям подписанного контракта, компания не имела права передавать его третьему лицу без согласия самого артиста. Если Я Тун, загнанный в угол, решит поднять скандал, компания окажется в крайне невыгодном положении.

И всё же у неё сейчас не было никакой возможности отказать "Тяньгуаню" - тем более что сумма в двадцать миллионов, предложенная за переход, намного превышала реальную рыночную цену Я Туна. Руководство, разумеется, ухватилось за такое заведомо выгодное предложение обеими руками.

- Я всё понимаю, брат Янь. Пусть всё идёт своим чередом, - ответил Шань Я Тун с той же безразличной вежливостью. - Уже поздно, мне пора отдыхать.

Он положил трубку, взял полотенце и продолжил рассеянно вытирать волосы, затем потянулся к мобильному телефону на тумбочке и набрал номер Ян Цзюня.

Ян Цзюнь, когда взял трубку, ожидал услышать вопросы о смене агентства, однако Шань Я Тун за весь разговор не обмолвился об этом ни словом.

- Я Тун, ты знаешь последнее решение компании? - всё же не выдержав, спросил Ян Цзюнь.

- Да, - голос Шань Я Туна звучал так же спокойно, словно речь шла о замене гардероба. - Ты продолжишь работать моим ассистентом, на твоих обязанностях это никак не скажется.

Слушая короткие гудки в трубке, Ян Цзюнь закрыл крышку телефона и тихо пробормотал себе

под нос:

- Надеюсь, выбор был правильным.

* * *

Ночь прошла. Скандальный номер Шань Я Туна, воссоздавшего ту самую классическую улыбку, вызвал бурный интерес у прессы. Некоторые издания начали вспоминать, с какой пронзительной глубиной он пел на телеканале "Звёздное Небо", и слухи о том, что он якобы использует фонограмму, начали подвергаться сомнению.

Тут же поползли догадки о его отношениях с королём сцены Сяо Ци Шэнем, а отдельные таблоиды даже пророчили ему участие в важной роли в фильме "Приграничный город".

Казалось, что буквально за одну ночь имя Шань Я Туна успело замелькать в колонках новостей развлекательной хроники и на страницах глянцевого журналов.

Однако все эти домыслы и пересуды были для Шань Я Туна пустым звуком. Он приехал на съёмки спозаранку, чтобы успеть освоиться с углами обзора во время павильонных сцен и привыкнуть к атмосфере площадки.

Очутившись на площадке, он взял сценарий, устроился в сторонке и принялся вдумчиво его перелистывать. Ему не было нужды сближаться с большим количеством людей – подобное поверхностное общение лишь выставляло человека несерьёзным и неспособным удержаться на плаву одним лишь талантом. А в проекте такого масштаба мастерство значило куда больше, чем любые связи.

Когда Линь И Цянь прибыл на съёмочную площадку, он с первого взгляда заметил юношу, тихо сидевшего в углу с раскрытой тетрадью сценария.

На мгновение он застыл, но быстро взял себя в руки, подошёл и опустился рядом:

- Ну что, готов?

Шань Я Тун захлопнул сценарий и, подняв голову, подарил режиссёру светлую, открытую улыбку:

- Вроде бы да, хотя неизвестно, как всё сложится, когда начнётся съёмка.

- Ты раньше учился актёрскому мастерству? – спросил Линь И Цянь. Он уже успел просмотреть запись, которую прислал ему ассистент сегодня утром, – ту самую сцену с цветком. Кроме Цзин Ань Цзюэ, никто не исполнял её с такой безупречной точностью.

- Нет, просто читал кое-какие книги о сценическом искусстве, - Шань Я Тун чуть заметно покраснел и потупил взгляд, но тут же вновь решительно поднял голову, и в его глазах вспыхнул такой яркий, неуправляемый огонь, что никто не мог бы усомниться в его твёрдой решимости. - Но я обязательно постараюсь.

Даже Линь И Цянь, прошедший в этом мире более десяти лет, на мгновение поддался силе этого взгляда. Он одобрительно похлопал юношу по плечу:

- Рад, что ты настроен серьёзно.

- Режиссёр Линь, с добрым утром, - раздался за спиной бархатистый мужской голос. Кто это, догадаться было нетрудно. Шань Я Тун тут же поднялся: - Брат Сяо.

Сяо Ци Шэнь, облачённый в костюм знатного господина: шёлковая косынка и веер из перьев (1), - двигался и держался с такой безупречной естественностью, что казалось, будто персонаж из легенды сам сошёл со страниц сценария и вошёл в реальный мир.

- Я Тун так рано пришёл изучать сценарий? - улыбнулся Сяо Ци Шэнь. - Сомневаешься в своих силах?

Шань Я Тун смущённо почесал затылок:

- Лучшешний раз посмотрю, чтобы не переводить зря плёнку.

Сяо Ци Шэнь усмехнулся:

- Тогда иди готовь костюм. Следующая сцена - наша с тобой общая. Постарайся.

- Сейчас же пойду готовиться, спасибо, брат Сяо.

Когда Шань Я Тун удалился, Сяо Ци Шэнь лениво помахал веером и с лёгкой иронией заметил:

- Похоже, режиссёр Линь благоволит к нашему Я Туну?

Линь И Цянь сперва отдал распоряжения ассистентам по разметке сцены, а затем ответил с ноткой задумчивости:

- В нём есть что-то от моего покойного друга.

- Покойного друга? - Сяо Ци Шэнь сложил веер. В мире шоу-бизнеса, где все играют роли, какие уж тут могут быть настоящие друзья?

Линь И Цянь, угадав его мысль по одному лишь выражению лица, горьковато усмехнулся:

– Иди готовься, сейчас начнём.

Он подозвал помощника по площадке и зашагал в другую сторону.

Сяо Ци Шэнь задумчиво провёл ребром веера по подбородку, чуть приподнял бровь, пожал плечами и направился на своё место.

Роль Шань Я Туна в этой картине не была особенно объёмной: его персонаж – сын богатого семейства, и для него были предусмотрены три комплекта костюмов: белый длинный наряд, алый парадный костюм и белый боевой доспех.

Переодевшись в белое платье, он уселся на стул, и гримёры принялись укладывать ему парик.

Вглядываясь в зеркальное отражение – в это лицо, одновременно чужое и до боли знакомое своей юношеской незрелостью, – он чуть приподнял уголки губ. Игра... кажется, становится всё занятнее.

1. 折扇 (yǔ shàn guān jīn) – веер из перьев и шёлковая косынка – классический образ образованного стратега или высокородного мужа в древнем Китае, восходящий к описанию Чжугэ Ляна, великого полководца и советника эпохи Троецарствия. В переносном смысле это выражение обозначает утончённую элегантность, интеллектуальное превосходство и аристократическую невозмутимость.

<http://bllate.org/book/18097/1736534>